

НАУЧНЫЙ БЛОКНОТ – SCIENTIFIC NOTEBOOK – ФЫЛЫМИ ДӘПТЕР

Сұхбат / Interview
ХФТАР / IRSTI 13.09

<https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-153-4-234-248>

IN MEMORY OF ZHABAYKHAN MUBARAKOVICH ABDILDIN

On December 3, 2025, Zhabaykhan Mubarakovich Abdildin passed away at the age of 93. He was a philosopher, specialist in dialectics and epistemology, founder of the Kazakh school of dialectics and dialectical logic, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, and a man of broad education and active civic engagement.

Having connected his life with philosophy since the 1960s, Zhabaykhan Abdildin became a brilliant symbol of the development of a distinctive philosophical school in Kazakhstan and an esteemed authority in the global space of philosophy. He was an active participant in world philosophical congresses since 1968.

Abdildin's creative biography can be divided into three periods. The first, from 1959 to 1998, was spent in Almaty, where he worked at the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences. This period marked his development as a scholar and the leader of a scientific school of dialectical logic. The second, 1998-2007, was associated with Astana and his work as a deputy on the committees of the Parliament and the Senate of the Republic of Kazakhstan. This was a period of political and civic activism, including work on the commission for the rehabilitation of prominent Kazakh figures repressed in the 1920s and 1930s. The third, from 2007-2025, was associated with the Department of Philosophy at the L.N. Gumilyov Eurasian National University. During this period, the complete works of Zhabaykhan Mubarakovich in 25 volumes were published. It was at this department that he established the international conferences named "Current Issues of Modern Philosophy" (2008, 2013, 2018, 2023) and "Ilyenkov Readings. Philosophy and Culture" (2011).

In memory of Zhabaykhan Mubarakovich Abdildin, we publish again an interview conducted on the eve of his 85th birthday in 2018 by his colleagues from the Department of Philosophy at the L.N. Gumilyov Eurasian National University Kulshat Medeuova, Ulbolsyn Sandybaeva, and Dinara Ryskulbekova.

ЖАБАЙХАН МУБАРАКҰЛЫ ӘБДІЛДИН РУХЫНА БАҒЫШТАЛҒАН ЕСТЕЛІК

2025 жылғы 3 желтоқсанда 93 жасқа қараған шағында көрнекті философ, диалектика мен таным теориясының білгірі, қазақстандық диалектика және диалектикалық логика мектебінің негізін қалаушы, философия ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының Академигі, зор білім иесі, айқын азаматтық үстенсіздік бар тұлға – Жабайхан Мұбаракұлы Әбділдин дүниеден өтті.

Өз өмірін ХХ ғасырдың 60-жылдарынан бастап философиямен байланыстырыған, Жабайхан Әбділдин Қазақстандағы өзіндік философиялық мектептің дамуының жарқын символына және әлемдік философиялық қауымдастықтағы мәртебелі тұлғаға айналды, 1968 жылдан бастап бүкіләлемдік философиялық конгрестердің белсенді қатысушысы болды.

Жабайхан Мұбаракұлының шығармашылық ғұмырын үш кезеңге бөлуге болады. Бірінші кезең – 1959–1998 жылдар, Алматымен, Ғылым академиясының философия және құқық институтындағы қызметімен байланысты. Бұл кезең оның ғалым, диалектикалық логика бойынша ғылыми мектептің жетекшісі ретінде қалыптасуының уақыты болды. Екінші кезең – 1998–2007 жылдар, Астанамен және ҚР Парламенті Сенатының комитеттеріндегі депутаттық қызметімен байланысты. Бұл – оның саяси және азаматтық белсенділігінің кезеңі, 1920–30 жылдары репрессияға ұшыраған қазақ халқының көрнекті қайраткерлерін ақтау жөніндегі комиссиядағы жемісті еңбегімен ерекшеленеді. Үшінші кезең – 2007–2025 жылдар, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің философия кафедрасымен байланысты. Осы уақытта Жабайхан Мұбаракұлының 25 томдық толық шығармалар жинағы жарық көрді. Дәл осы кафедрада өзінің бастамасымен «Қазіргі философияның өзекті мәселелері» (2008, 2013, 2018, 2023), «Ильенков оқулары. Философия және мәдениет» (2011) атты халықаралық конференциялар үйімдастырылды.

Жабайхан Мұбаракұлын еске ала отырып, 2018 жылы, оның 85 жылдық мерейтойы қарсаңында сол уақыттағы Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің философия кафедрасында бірге қызмет жасаған әріптестері Кульшат Медеуова, Ұлболсын Сандыбаева және Динара Рысқұлбекова алған сұхбатты қайта жариялад отырмыз.

ПАМЯТИ ЖАБАЙХАН МУБАРАКОВИЧА АБДИЛЬДИНА

3 декабря 2025 года на 93-м году ушел из жизни Жабайхан Мубаракович Абдильдин – философ, специалист по диалектике и теории познания, основоположник казахстанской школы диалектики и диалектической логики, доктор философских наук, Академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, человек широкой образованности и активной гражданской позиции.

Связав свою жизнь с философией еще в 60-е годы ХХ века, Жабайхан Абдильдин стал ярким символом развития самобытной философской школы в Казахстане и признанным авторитетом в мировом философском пространстве, он был активным участником всемирных философских конгрессов с 1968 года.

Творческую биографию Абдильдина можно разделить на три этапа. Первый, 1959–1998 гг., связан с Алма-Атой/Алматы, с работой в Институте философии и права Академии наук. Это период формирования его как ученого, как руководителя научной школы по диалектической логике; второй, 1998–2007 гг., связан с Астаной и его депутатской работой в комитетах Парламента Сената РК. Это период политического, гражданского активизма, работы в комиссии по реабилитации выдающихся деятелей казахского народа, репрессированных в 20-30 годах; третий, с 2007–2025 гг., связан с кафедрой философии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

В этот период было издано полное собрание сочинений Жабайхана Мубараковича в 25 томах. Именно на этой кафедре им организовывались международные конференции «Актуальные вопросы современной философии» (2008, 2013, 2018, 2023), «Ильенковские чтения. Философия и Культура» (2011).

Вспоминая Жабайхан Мубараковича Абдильдина, вновь опубликуем интервью, взятое в канун его 85-летия, в 2018 году его коллегами по кафедре философии ЕНУ имени Л.Н. Гумилева Кульшат Медеевой, Улболсын Сандыбаевой, Динарой Рыскулбековой.

**«Я просто не могу не писать, я этим заболел с юности...
иной жизни я не мыслю...»**

– Жабайхан Мубаракович, мы хотим поговорить с Вами о таком периоде в Вашей творческой биографии и периоде нашей страны, который назовем периодом транзита от «зрелого социализма» к периоду независимости Казахстана, а также периоду интеллектуального и концептуального оформления казахской философии. Поговорим о том, как формировалась академическая среда в Алма-Ате в 70-80-е годы, о том, какие важные достижения были у Вас лично и у Института философии и права, а также у Академии наук.

В 1958 году после успешной защиты кандидатской диссертации на тему: «Гносеологическая роль конкретного понятия» вы вернулись в Алма-Ату в Институт философии и права, недавно организованный в Академии наук Казахстана. А в 1968 году Вы успешно защитили докторскую диссертацию в Москве «Проблема начала в теоретическом познании». В этот период Академия была главным органом управления наукой в Казахстане, эффективным инструментом формирования научного коллектива и научно-исследовательской деятельности.

Однако в современных реконструкциях этого периода и оценке роли Академии в развитии науки в Казахстане акцент делается на том, что наука советского периода была гиперцентрализована, что головные институты диктовали направления научного исследования. Кроме того, в Академии наук доминировали институты, связанные с естествознанием, производительными силами страны. В развитии казахстанской науки важное место занимали такие ведущие институты, как Институт геологии, Институт металлургии и обогащения, Институт химии, Институт ядерной физики и др.

В последние годы, отмечая крупные достижения Академии наук Казахстана в области исследования фундаментальных наук, в то же время подвергали критике академическую науку за то, что она недостаточное внимание уделяла прикладной науке, активному внедрению фундаментальных исследований в практическую плоскость. В Казахстане не только развивались естественно-научные институты, но также были определены достижения в области общественно-гуманитарных наук. Правда, тоталитарная идеология сильно сказывалась на качестве и тематике общественных гуманитарных наук.

Но если отбросить эти идеологические и эмоциональные фреймы, то уже следующие поколения ученых слабо представляют, как выглядела академическая жизнь этого периода вне самой Академии; как выглядела жизнь научного сотрудника, например, с конца 60-х до 80-х годов; чем, помимо своих непосредственных тем, он занимался, как проводил свободное время, каков был пульс общественной жизни.

– Я приехал в Академию наук в Институт философии и права в период, когда Академию возглавлял великий ученый К.И. Сатпаев, а Институт возглавлял выдающийся ученый, замечательный человек Салык Зиманович Зиманов. Институт был открыт в 1958 году на базе сектора права и философии в составе Академии наук. Период после XX съезда КПСС был периодом мощного возрождения, периодом, когда в какой-то мере происходила модернизация всех областей политических, научных и духовных областей. Во всей стране, во всех отраслях науки, культуры, образования было какое-то стремление вперед.

Президентом Академии наук СССР был выдающийся С.И. Вавилов, а у нас был президентом К. Сатпаев. Сам факт того, что Сатпаев¹ вновь стал руководить Академией наук, влияло на коллектив позитивно, ведь он пользовался большим авторитетом. Было построено не только новое здание Академии наук, но были открыты и новые институты. Исключительное стремление к чему-то новому, стремление что-то сделать – такова атмосфера Академии было тогда. Каким-то образом, к этому времени мы и в Союзе, и особенно в республике созрели для того, чтобы делать что-то серьезное в области науки, культуры, образования и т.д. Достаточно сказать, что именно в эти годы, в конце 50-х - в начале 60-х годов, целая группа геологов во главе с Сатпаевым стали первыми лауреатами Ленинской премии в стране. Ленинская премия присуждалась в исключительных случаях, и для нас это было также важно, как если бы это была Нобелевская премия. Она присуждалась за самые выдающиеся работы и, кроме того, выплачивалась огромная сумма денег. Лауреатом Ленинской премии стал и М.О. Ауэзов за роман «Путь Абая». После этого лауреатом стал Мурат Айткохин в составе группы ученых Москвы. То есть Ленинская премия редко кому присуждалась, и в Казахстане было мало лауреатов. Поэтому по каждому случаю была общая радость.

Это было время возрождения во многих областях. Создавался Институт ядерной физики и высокой энергии, так же, как и наш Институт философии, мощный Институт геологии, замечательный Институт молекулярной биологии, Институт микробиологии, Институт физиологии, горного дела, химических наук. Все институты возглавляли директора, которые были крупными учеными. Атмосфера была исключительно замечательной. Такая же атмосфера была в нашем институте. В тот же год, когда я вернулся в Алма-Ату, приехали после окончания МГУ и Лев Науменко, и Мамия Баканидзе из Грузии. В Казахстане в нашу группу влился Абын Касымжанов, очень серьезный философ. Нас вначале было всего четыре человека, но мы были единомышленниками, и союз наш был уникальный. Вначале нашим заведующим была Мусабаева Н.А., но потом, уже через полгода, открыли сектор по диалектической логике при отделе диалектического материализма, и это был первый такой сектор в СССР. Меня назначили заведующим сектором, в нашей группе я был единственным кандидатом наук на тот момент, а мне тогда было всего 26 лет.

На оптимистический климат внутри Академии влиял общий дух страны после ХХ съезда, когда люди как будто освободились от некоторого зажима, от жесткого обруча сталинского периода. Надежды были огромные и у каждого субъективно, и в целом, в коллективной работе. Разгоревшийся спор о диалектической логике позволил обновить и философскую тематику того времени, и пересмотреть отношение между центром и Алма-Атой с точки зрения развития научных школ.

¹ В период 1951-1954 годы Сатпаев был отстранен от должности Президента Академии наук Казахской ССР.

В Советском Союзе о диалектике говорили много, но новые дискуссии подняли проблемы отношения диалектической и формальной логики. Однако диалектическую логику, диалектику как логику и теорию познания, догматическое направление философии категорически не понимало. Кроме того, было сложное взаимоотношение диалектической и формальной логики. Еще в 1955 году идея Э. Ильенкова о том, что «мышление – предмет философии» воспринималась философами-догматиками как антимарксизм. Направление по диалектической логике, возникшее в Казахстане, решительно поддержали такие замечательные философы, как Б. Кедров, П. Копнин, Э. Ильенков, Е. Ситковский.

Еще в 1956 году, когда я писал свою кандидатскую диссертацию, мой научный руководитель Е.П. Ситковский советовал мне не ввязываться в спор о диалектической и формальной логике: если интересуют тебя вопросы диалектической логики, создайте работу, и все эти разговоры отпадут сами по себе. Я и наша группа руководствовалась этим добрым советом.

И мы приступили к работе. Наша первая коллективная работа - «Проблема логики и диалектики познания» была опубликована в 1963 году. Эта книга свидетельствовала о том, что в Советском Союзе создано новое направление, появилась новая философская группа, новый центр развития философии в Алма-Ате. В журнале «Вопросы философии» выступил с мощной рецензией Э. Ильенков. В ней было написано, что авторы сделали шаг вперед по сравнению со всеми предыдущими, что отныне те, кто пишет по логике и диалектике, не должны проходить мимо этой книги. Такая оценка сразу обратила в Союзе внимание на наш коллектив. То, что было опубликовано в Казахстане, сразу уходило большим тиражом по всей стране. Это было благодатное время.

– *Какие тиражи были? Сколько экземпляров?*

– Минимум 2000. Конкретно эта книга продавалась во всех центральных магазинах Союза. Кстати, я должен вам сказать, что первую книгу мы написали на 700 страниц, даже пришлось сократить до 20 печатных листов, до 500 страниц. После этого, окрыленные первым успехом, мы приступили к новой теме: «Проблема исходного пункта в научно-теоретическом познании». Эта проблема никогда раньше не исследовалась в научной теории. Продолжая свою коллективную работу, мы все время ходили вместе, тесно общались друг с другом. Мы все время дискутировали, часто сидели рядом в библиотеке, нас даже сфотографировали – «вот сидят мешают, опять разговаривают».

– *Есть такая фотография? Сохранилась?*

– Нет. Мы не думали, что это будет нужно, были просто увлечены своей работой. В итоге совместная работа над темой «Проблема исходного пункта в научном познании» привела к тому, что каждый раздел был как крупная монография. Поэтому мы выпустили 3 книги: у меня – «Проблемы начала в теоретическом познании», у Науменко – «Принцип монизма в диалектической логике», у Баканидзе – «Содержательная субординация логических форм». По моей книге я защитил докторскую диссертацию в 1968 году в Институте философии Академии СССР.

Общая обстановка способствовала развитию науки. Хочу отметить, что изменения происходили и в коллективе. Докторские диссертации защитили Науменко, Касымжанов. Науменко пригласили в Москву, а Касымжанов возглавил кафедру. Меня в 1973 году назначили директором Института философии. Пришла новая плеяда исследователей,

я, как всегда, был руководителем группы, в новые проекты также всегда включались Науменко, Баканидзе, из новых – А. Нысанбаев, М. Сабитов, К. Абишев, В. Ротницкий, Г.Соловьева и другие. У нас были хорошие работы: «Проблема начала» (1967); «Диалектико-логический принцип построения теории» (1973); «Диалектика Канта» (1974); «Диалектика активности в научном познании» (1977). «Принцип противоречия научного познания», «Принцип конкретности», «Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности» и другие.

– *Можно уточнить маленькие штрихи. У Вас был кабинет, когда Вы были заведующим сектором, потом зав. отделом, то есть, как выглядело Ваше рабочее место?*

– Я Вам должен сказать, что у отдела диалектического материализма была одна комната. У меня не было отдельного кабинета. Первый кабинет появился, когда я стал в 1973 году директором Института. Раньше Зиманов, будучи директором Института, не имел приемной. В это время строительство шло не такими темпами. В общем плане не обращали особого внимания на детали своего быта и рабочего места, было важным общее состояние подъема.

Алма-Ата в 50-е годы была красивым городом, утопала в зелени, журчали арыки на всех улицах, город был чистый, но те, кто приезжал, говорили, что это большая деревня, потому что кроме центра на всех линиях были одноэтажные дома. Но уже с 60-х годов постепенно началось строительство, было построено главное здание Академии наук, архитектором которого был Алексей Щусев, специализировавшийся на таких важных административных объектах, как здания академий наук, дворцовъездов, домов культуры и, конечно, главная его слава была связана с мавзолеем Ленина в Москве. Постепенно налаживался быт и для Академии, и ее сотрудников, но не сразу все это происходило. В союзное время академикам платили за звание, это был стимул. Профессоров в то время было не так много, когда я стал доктором, меня прописали в четвертом управлении. А это означало, что тебе дают путевки, лечение в правительственные больницах, эти льготы сохранились и в послесоветское время только для академиков.

– *Когда приезжали ваши друзья, знакомые, коллеги из Москвы, куда Вы их водили в Алма-Ате? Как происходило знакомство с городом?*

– Первый Всесоюзный симпозиум мы провели в 1968 году. Так как симпозиум включался в план союзных мероприятий, то финансирование было обязательным. Для первого и второго симпозиума специально выделялось несколько машин, автобусов, резервировались гостиницы. Этим распоряжался Совет министров. Второй симпозиум проходил в 1976 году, когда я уже стал директором Института. Эти симпозиумы проходили на самом высоком теоретическом и организационном уровне. Все средства массовой информации стали писать о нас, проводились интервью с видными философами.

Были некоторые нюансы, например, надо было иметь где-то 15 номеров люксов для проведения первого симпозиума. Гостиниц в целом не очень много было, а тут еще номера люксы. Я все время ходил к Б.А. Тулекбаеву, он возглавлял общественные науки, являясь вице-президентом в Академии наук, чтобы он ходил в Совмин для финансирования симпозиума.

Однако решение вопроса затянулось, и я не выдержал, взял телефон (у меня была «вертушка»², тогда эту вертушку все принимали) и напрямую позвонил Байкену Ашимову – председателю Совета министров. Трубку взял помощник, я ему сказал, что

² «Вертушка» — система правительской телефонной связи в СССР.

vas беспокоит директор Института философии, член корреспондент – Абдильдин. Он доложил Б.А.Ашимову, тот меня принял. Машина у меня была готова, и я сразу же поехал. Рассказал Ашимову, что приедут академики, в том числе Кедров, мне нужны 15 люксов, несколько автобусов, места в гостинице. Он решительно поддержал мою просьбу, дал распоряжение полностью удовлетворить просьбу директора Института.

Работа симпозиума шла весьма успешно. В эти дни мне позвонил помощник Д.А. Кунаева и сообщил, что участников может принять Первый секретарь Компартии Казахстана. На прием к Димашу Ахметовичу мы пошли впятером во главе с академиком Кедровым.

Димаш Ахметович Кунаев тепло принял нас, рассказывал об успехах Казахстана, Алма-Аты. У меня спросил, показал ли я гостям фильм «Мой Казахстан». Я ответил, что не успел. Он сказал: «обязательно покажи».

После успешного проведения симпозиума все стали отмечать «организаторские способности Абдильдина». На самом деле мне сильно помогло руководство республики. На следующий день нас пригласили и в Алматинский обком. И этот прием был на самом высочайшем уровне. Потом участники конференции распространили по всему Советскому Союзу: «В Казахстане умеют организовывать конференции, хорошее отношение к философии, к науке!». Многие чиновники не знают, что такое настоящие международные конференции. Международные конференции в научном отношении имеют важнейшее значение в развитии науки, пока твоя книга выйдет, пройдет много времени, а на конференции можно высказать свои новые идеи и мысли для обсуждения. Ученые, которые не участвуют в международных конференциях, которые не участвуют в мировых конгрессах, естественно, отстают в своем научном развитии.

Мы провели 4 таких симпозиума. Казахстан уже стал признанным центром диалектической логики не только в Советском Союзе. Нас беспрерывно стали приглашать на международные конференции, например, в Польшу, на конгресс в честь 200-летия Гегеля, я был участник всех мировых философских конгрессов с 1968 года, и в 2013 году я выступил в Афинах на XXIII мировом философском конгрессе.

– Жабайхан Мубаракович, когда начинает формироваться академическая среда, важно все: наличие здания академии наук, наличие инфраструктуры, наличие конференций, регулярность их проведения, библиотеки. Вы же сами знаете, в истории развития науки большое значение имеют неформальные места в городе. Ну, например, позитивисты собирались в кафе «Централь» в Вене, Ж.-П. Сартр, Симона де Бовуар и французские интеллектуалы любили «кафе де Флор». И Вы рассказывали про ресторан «Прага», где Вы часто встречались с московскими коллегами. Были ли такие места в Алма-Ате, где точно знаешь, что если приедешь туда, встретишь философов?

– В Казахстане, в Алма-Ате того времени, к сожалению, такого отдельного места, где мы могли бы друг с другом встречаться, не было, однако в Институте философии мы могли вести разговоры, дискуссии.

Но все в сравнении нужно рассматривать. Отношение к философии в союзное время было очень высокое. Во всех академических институтах проводились философские семинары в рабочее время, в месяц на это отводилось 4 часа. Такой методологический семинар должен был возглавлять директор института. Во всех академических институтах Союза были свои семинары, куда приглашались философы в качестве консультантов. Я, например, был консультантом семинара Института ядерной физики. Должен вам

сказать, что физики очень хорошо разбирались в философских вопросах. Интерес людей к философии, особенно к диалектике и методологии, был высокий, даже среди студентов, аспирантов нефилософских специальностей. Уровень знания Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля был очень высок. На философских семинарах мы тончайшим образом разбирали тексты. Меня, например, называли Кантом, так как я Канта хорошо знал.

– *Сколько человек отправляли в аспирантуру? Например, в центральную аспирантуру Института философии в Москве, сколько человек отправляли от Казахстана? Как люди попадали в высокую обойму большой науки?*

– Человек 5–6 в год. Наш уровень тогда был достаточно высокий, даже сама Москва признавала, так как в области диалектики мы никогда не уступали. У нас была среда, позволяющая вести философские разговоры.

– *Давайте вернемся к особенностям этой среды. Алма-атинская научная академическая среда базировалась в здании Академии наук, подпитывалась интеллектуальными силами за счет людей, которые получили образование в Москве. Были ли еще другие секреты?*

– Какой-то интеллектуальный взрыв был в Казахстане в конце 50-х в начале 60-х. В то время количество докторов и кандидатов наук было небольшое. Сейчас их огромное количество, но ни в какое сравнение не идет с тем, что было, в смысле качества.

– *Ясно, что философия в Советском Союзе патронировалась ЦК, были такие лекторы и кураторы. Были ли у вас конфликты с идеологами или вы были сами законодателем интеллектуальной моды?*

– Моя биография начинается после ХХ съезда, и сталинской жесткости я не застал. Разрабатывали логику, диалектику, категории на базе современного естествознания, и поэтому мы не занимались политическими вопросами, я, в целом, не ощущал страшного давления. Конечно, те, которые занимались научным коммунизмом, историей КПСС, социальной философией, политэкономией, возможно, сильно ощущали давление со стороны господствующей идеологии. Партийные идеологи в вопросах, которыми мы занимались, особенно не разбирались. Тем не менее, мы серьезно чувствовали атаку на нас отсталых догматически мыслящих философов республики. Наши работы по логике, диалектике, философии Канта, Гегеля с самого начала отрицательно оценивались со стороны этих философов. На меня и на моих коллег писали много доносов, якобы мы являемся идеалистами, гегельянцами, кантианцами и т.д. Один профессор даже договорился до того, что назвал меня человеком, который идет по пути Солженицына.

После ХХ-го съезда время было совершенно другое. На такие доносы ограниченных, отсталых в научном развитии людей уже мало обращали внимания.

В Москве тоже шла борьба между новым и старым. Догматические философы, например, сильно шельмовали Э.В. Ильинкова. Его вынудили уйти с философского факультета МГУ. Только ХХ-й съезд помог ему выжить.

Когда Зиманова сняли, директором Института стал Токтагали Жангельдин, после которого меня поставили на эту должность. Тогда президентом Академии наук был Шахмардан Есенов, которого пугали тем, что Абдильдин – идеалист. Когда Зиманова сняли с должности, его обвиняли в том, что он создает условия кантианцам и идеалистам и т.д.

В это же время в Москве намечалось крупное совещание по общественным наукам. На совещание в качестве делегата послали меня и одного заместителя отдела науки ЦК Казахстана Калдашова.

На совещании с основным докладом выступил директор Института философии АН СССР Б.М. Кедров, который очень высоко оценил философское направление по диалектике.

В своем докладе Кедров заявил, что в стране работает три группы по разработке теории диалектики в Москве, Ленинграде и Казахстане. В Казахстане группа во главе с Абдильдином ближе всех подошла к разработке теории диалектики, логике с большой буквы. Это была исключительно высокая оценка. Все это Калдашев слышал и, как полагается, доложил Первому секретарю Д.А. Кунаеву. После этого меня назначили без колебания директором Института философии.

– *Какие у Вас были главные инициативы, в особенности в том период, когда Вы были директором Института философии, для среды, для людей, для тех, кто там работал?*

– Казахстан уже в то время был признанным центром по диалектической логике и по философии права. Когда я стал возглавлять Институт, это было трудное время, атмосфера непростая, так как Зиманова сняли, все время шли скандалы. Во время назначения меня директором Института Кунаев мне сказал в президиуме: «Товарищ Абдильдин, мы назначаем вас директором Института. Будет ли в Институте порядок?» Я ему сказал: «Не знаю, Димаш Ахметович, но постараюсь». Я не знал, потому что обстановка в Институте тогда была очень тяжелой, писали письма в Москву, обком, ЦК, комиссия за комиссией... Он сказал: «Постарайтесь, ЦК Вам поможет». Должен сказать, действительно ЦК мне помогало. В тот же день я был впервые приглашен на прием. Меня никто не знал, я был тогда молод. Кругом все министры, академики, все солидные люди... Я стою, со мной никто не здоровается. Вдруг из глубины зала вышел Динмухамед Кунаев, рядом с ним Байкен Ашимов, вокруг них образовался конус: министры, вице-президенты, академики и так далее. Я стоял в самом конце этого стихийно образовавшегося коридора. Вдруг Кунаев сказал: «Надо поздороваться с профессором» и сразу же ко мне подошел и поздоровался. Все сразу подумали, наверно, что я собираюсь на большую должность и ко мне сразу изменилось отношение.

– *To есть Институту от этого была польза.*

– Институт проводил много международных конференций, мы закончили 4-томную «Диалектическую логику». Конечно, первое место в Академии действительно занимал Институт геологии Каныша Сатпаева, так как там работало около 700 человек, он был флагманом, этот Институт гремел по Советскому Союзу. Но в 1983 году наш Институт философии занял первое место в социалистическом соревновании в Союзе. Нам выделили большие деньги, вручили переходящее красное знамя. И это уже был авторитет Института.

– *Алма-Ата – это столица. Ясно, что столичная жизнь могла отличаться от жизни в регионах. Когда и как Вы выезжали в регионы? Сами Вы из Павлодара. Как произошло знакомство с остальным Казахстаном? Когда Вы впервые поехали в западный, северный Казахстан?*

– Павлодар – там родители у меня, я ежегодно, пока родители были живы, даже когда был студентом, аспирантом, я всегда приезжал с лекциями. Поэтому Павлодар я очень хорошо знал. Точно так же я очень хорошо знал Семипалатинск, можно сказать с юношеских лет, потому что мы жили на берегу Иртыша, а до Семипалатинска идет пароход. В студенческие годы не было прямого поезда до Алма-Аты, поэтому мы

ездили через Семипалатинск. Самолет почти исключался в то время. Я хорошо знал Усть-Каменогорск, там мы открывали отделение Академии наук, тесно сотрудничал и с карагандинскими философами. В Караганде работало много моих учеников, коллег, в частности, там работал однокурсник Рафкат Ешкеев, Балташ Хасенов и другие. Караганда всегда и до сих пор имеет сильное инженерное техническое отделение. Нечасто, но бывал в Шымкенте, в Гурьеве. Уже будучи депутатом, я почти все области Казахстана объехал.

– Жабайхан Мубаракович, в Вашей биографии есть очень значимое событие, связанное с участием в работе комиссии по реабилитации выдающихся деятелей казахского народа, репрессированных в 20-30 годах. Вы были председателем этой комиссии. Это подлинный ответственный поступок в баhtинском понимании, имеющий значение для возрождения национальной культуры, гражданского самосознания. Для Вас это совершенно новый опыт, опыт работы с травматической национальной памятью. Что Вы чувствовали, изучая архивные данные, беседуя с людьми, анализируя тексты Шакарима, не произошла ли какая-либо переоценка ценностей, может, открылись новые истины, подобно истинам Шакарима.

– Когда я стал председателем комиссии по реабилитации, в Москве уже начались эти процессы. У нас тоже решили начать это процесс, но движений пока не было в этом направлении. Все началось с того, что на 16-м съезде Компартии Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев подверг критике Академию наук. После этого стали проверять все институты Академии. Из Москвы приехала большая группа. В первую очередь проверяли естественные науки, потом общественные. Тогда я был вице-президентом по общественным наукам. Я представил членов комиссии секретарю ЦК Компартии Казахстана по идеологии З. Камалиденову. В состав комиссии входил языковед академик Э. Тенишев. В ходе беседы он спросил у Камалиденова: «У вас был выдающийся языковед Ахмет Байтурсынов. Какова его судьба?». Подобный вопрос никто не ожидал. Произносить имя Ахмета Байтурсынова тогда было опасно, как и всех других идеологов Алашорды. Камалиденов ничего не ответил, а после беседы мне говорит: «Жабайхан Мубаракович, он не провокатор ли?», я ответил: «Нет, это выдающийся всемирно известный ученый, он от души задал вопрос». Это был конец 1986 года. В Москве была создана комиссия, и уже шел процесс реабилитации под руководством секретаря ЦК Яковleva. В Казахстане тоже решили создать комиссию, но сказали особо не торопиться. И вот бюро ЦК утвердила комиссию под моим руководством. В состав комиссии вошли известные ученые и писатели. Сначала ставился вопрос об исследовании творчества Шакарима Кудайбердиева. И на тот момент я многое еще не знал о нем.

У комиссии были высокие полномочия, и нам были доступны многие материалы. Мы стали изучать все документы, работы Шакарима, ездили в Семипалатинск, беседовали с людьми. Кстати, многие работы Шакарима мы выписывали из Ленинграда, поскольку у нас они не сохранились. Я, оказывается, некоторые его вещи знал еще школьником. Например, «Калкаман и Мамыр» мы знали наизусть, но не знали, что автором является Шакарим. Его песни считались народными. Я был удивлен, когда изучил все его тексты. Это святой человек! Он жил в горах, как отшельник. Он переписывался со Львом Толстым и был даже приглашен на юбилей Толстого.

До нас тоже комиссия занималась рассмотрением дела Шакарима, но она дала отрицательный отзыв, считая его буржуазным националистом. Мы попросили разные

учреждения дать нам справки по данному вопросу. КГБ представил нам справку о том, что Шакарим – буржуазный националист, руководитель кулацкого восстания и т.п., справку с подобным выводом мы получили от Института истории партии.

Наша комиссия после изучения всех документов, текстов и бесед пришла к выводу, что творчество Шакарима имеет большое значение для духовной культуры народа, при этом мы специально акцентировали внимание на его дружбу с Толстым, на его переводческую деятельность, чтобы доказать, что он не буржуазный националист. Мы подготовили объективную справку. На бюро ЦК я выступил с докладом, в котором обосновывал, что Шакарим - выдающийся человек, просветитель, поэт, и его реабилитация будет полезна для развития духовной культуры народа.

Вдруг выступил новый председатель КГБ Виктор Мирошник, он был из Новосибирска. Он заявил, что комиссия не справилась с поставленной задачей и идеализирует, восхваляет Шакарима Кудайбердиева, в то время как он является буржуазным националистом, руководителем кулацкого восстания, врагом советской власти и тому подобное.

После такого выступление в зале воцарилась тишина. Эту тишину прервал тогдашний председатель Совета министров КазССР Нурсултан Абишевич Назарбаев, он был председателем этого совещания: «Почему мы молчим? Пусть по этому вопросу отвечает председатель комиссии».

Не знаю, я много выступал по разным вопросам, но это выступление было одним из самых удачных и значимых в моей жизни. Я сказал, что категорически не согласен с председателем республиканского КГБ. На самом деле это мнение не только комиссии, это мнение Семипалатинского обкома, Абаевского райкома, мы расспросили 300 человек, все говорили о том, что Шакарим не возглавлял восстания, не выступал против советской власти..., когда его ранили, он сказал, чтобы его повели к начальнику, но его застрелили и распространяли слух, что он участник восстания.

Завершая, я сказал, что в Москве идет перестройка, к сожалению, КГБ Казахстана не перестроился, и Вас как нового человека подвели местные работники КГБ. Решение нашей комиссии было утверждено. Это имело исключительное значение. Можно сказать, Назарбаев спас ситуацию.

После бюро я сказал Мирошнику, что очень хорошо знаю все труды Ленина и никаких ошибок не допущу, имейте это в виду. Он пожал мне руку и сказал: «Давайте будем работать вместе». В дальнейшем это помогло в реабилитации Ахмета Байтурсынова, Магжана Жумабаева, Жусупбека Аймауытова, Миржакыпа Дулатова.

Если до этого я был просто ученым, то, занимаясь реабилитацией, я глубже понял и прочувствовал, какое негативное влияние оказала тоталитарная система на культуру и историю народа. Для меня это был важный опыт.

– Жабайхан Мубаракович, ранее Вы говорили, что после XX съезда КПСС начался период мощного возрождения, модернизации академической жизни, было желание что-то делать. Было ли такое же ощущение, настроение после обретения независимости Казахстаном? Был ли такой оптимизм?

– Конечно, после XX съезда во всех науках, в культуре в целом были большие ожидания, надежды. Но Хрущев – это человек той системы, он смело критиковал Сталина, и его деятельность этим и ограничилась. Помните, его отношение к художникам-абстракционистам, к Эрнсту Неизвестному. Более широкие возможности для свободы

он не смог дать. В республиках это процесс не пошел, решительного шага в творчестве, новизне не наблюдалось.

По поводу независимости. Независимость – это мечта каждого представителя народа. Мне повезло, и везение заключается в том, что Сатпаев, Ауэзов, мечтавшие о подлинной независимости нашей культуры, увидеть это воочию не смогли. Обретение независимости я воспринял как восход солнца, как нечто исключительное, как реализацию особой мечты.

Однако строить независимое государство нелегко. Мы не имели самостоятельной экономики и многое другого. Мы были частью СССР, отрываться от этого было архитрудно. Так, Академия наук была составной частью Академии наук СССР, и поэтому тогда наука финансировалась в целом хорошо. С обретением независимости финансовые трудности отразились и на науке. Однако появилась свобода в исследовании собственной истории, культуры, всего того, что ранее делалось с оглядкой. В этом достоинство нового периода. То, что мы получили независимость, стали самостоятельными – это исключительный прогресс.

Укажу на недостатки в современных исследованиях гуманитарных наук. Появилось много макулатуры, и это связано с недостатками в методологическом плане. В СССР была одна положительная вещь, в частности, когда по инициативе Вавилова методологические вопросы изучались во всех институтах, это повлияло на общий уровень методологической грамотности. Сейчас нет таких методологических семинаров, более того, наблюдается огромная методологическая и философская неграмотность, недостаточное изучение классики, например, Аристотеля, Платона, Декарта, Канта, Гегеля и т.д.

То, что стали углубленно изучать казахскую философию, это хорошо, но это необходимо сочетать с методологической грамотностью, глубоким изучением мировой философии.

– А не связано ли разочарование по поводу того, что Академия изменилась, с тем, что Академия стала общественной организацией, потеряла привилегии непосредственной государственной поддержки? Есть теории, которые описывают, что любой тип модернизации связан со своим типом академии, и если государство завершает один тип развития, и переходит к другому, то она должна отказаться от старой академии и перейти к новому формату. В этом контексте новое независимое государство требует нового типа знания, нового типа отношений во всех сферах, в том числе и в экономических, политических и, видимо, отношений внутри академии как социальной институции. Что Вы можете сказать об отказе от старой академии?

– Знаете, я Вам должен сказать, что Национальная академия наук Республики Казахстан (НАН РК) является республиканским общественным объединением, хоть она и имеет общественный статус, однако, в целом, институты сохранились. Некоторые институты не имеют такого уровня, который они имели раньше. Но на решение о переводе в статус общественного объединения повлияли те концепции, в которых отмечалось, что в некоторых развитых странах, как Америка и Англия, академии существуют на общественных началах, потому что наука в таких странах преимущественно развивается в университетах, таких, как Гарвард, Оксфорд, Кембридж. И в первые годы независимости был такой разговор: зачем академии платить? Наука может развиваться и в вузах.

До сих пор я считаю, что у нас была другая традиция. Наша традиция взята из Франции, Германии. Согласно этой традиции, наука развивалась только в академии наук. Так было при царизме, так было и в советское время, то есть наука развивалась в академии, в академических институтах. Академия наук СССР насчитывала 450 институтов.

Что касается вузов, там ведь большая часовая нагрузка, в основном – преподавательская деятельность. Конечно, вузовская наука слабо финансировалась, и в советский период она как будто была второго сорта. Россия сохранила свою академию наук, хотя там тоже была попытка сделать ее общественной организацией: министры высшего образования и многие другие нападали на академию наук, но ничего не вышло, так как там академики оказались более смелыми, более сильными, они единогласно отстояли свою академию. А что касается нас, то, к сожалению, сами академики не смогли отстоять Академию. Самое главное не это, не статус, самое главное – финансирование. В последние годы, может быть, прогресс есть, но наука нуждается в деньгах... если мы хотим иметь настоящую технологию, новейшую технику. Конечно, мы не можем на все выделять деньги, но по каким-то областям, по которым у нас уже есть прорывные исследования, международное признание, мы должны иметь финансирование, без этого наука развиваться не может. Мы должны финансировать сильные направления.

– *Еще один вопрос, связанный с Евразийским университетом. Вы в Астане появились все-таки как сенатор, но сразу пришли в качестве профессора в Евразийский университет. Если бы Вы в таких же категориях, как Вы говорили про Академию, про политику, работу в сенате, описали бы наш университет, то на чем бы Вы акцентировали внимание? Какие книги Вы выпустили в стенах ЕНУ? Какие курсы для Вас были важны? И, может быть, еще какие-либо достижения произошли именно в Евразийском университете?*

– Первый раз я приехал сюда в 1997 году 10 декабря, потом, когда переехал Сенат и Парламент, я остался жить в Астане. Я был председателем Комитета Сената по международным делам, обороне и безопасности, председателем комиссии по правам человека при Президенте РК, но тем не менее одновременно я работал на полставки в Евразийском университете. Я должен сказать, что никогда не отрывался от студентов и аспирантов, и в Алмате, когда был директором Института, вице-президентом, я все время читал в университете лекции. Когда сюда приехал, сразу же стал читать лекции по истории философии и диалектике, правда, я долго был депутатом 4 созыва. Но, в конечном счете, я знал, что должен вернуться в науку и образование, это моя специальность, мое призвание. С самого начала считал, что наука для меня является главной целью. Если бы не государственная независимость, борьба за утверждение Казахстана как самостоятельного, независимого государства, я, может быть, в политику и не пошел бы. Я пошел, потому что изнутри хотел участвовать именно в процессе обретения свободы, становления нашего государства.

С 2007 года я уже на постоянной основе работаю в Евразийском университете. Постепенно ЕНУ стал одним из самых крупных высших учебных заведений в стране: 17 тысяч студентов, более 200 докторов. Это просто здорово, что Евразийский университет подтянулся к флагманам нашего образования, как КазНУ и политехнический институт. Более того, наш университет занимает хорошие позиции и в мировых рейтингах.

В Евразийском университете, особенно в последние годы, у меня открылось второе дыхание, многие идеи я реализовал. Я опубликовал такие книги, как: «Философия и логика Гегеля», «История философии», «Время и культура. Размышления философа», «Логика конкретного» и другие. Именно здесь я опубликовал целую серию работ: 10-томное собрание сочинений, в настоящее время у меня выходит 15 томов собрания сочинений. Отдельно опубликованы такие книги, как: «Логика универсальных форм

и методов познания», «Логика и теория современной демократии и ее реализация». В отношении работы о логике демократии скажу следующее. Произошел интересный виток в понимании темы, дело в том, что эта книга является результатом опыта работы в парламенте, где была реальная возможность познакомиться с тем, что представляет собой современная развитая западная демократия, а поскольку она и есть наша перспектива, я написал книгу о том, куда мы стремимся.

Здесь, в Евразийском университете, я трижды выигрывал гранты по проектам, финансируемым МОН РК. Все проекты, так или иначе, связаны с развитием логики познания: Логический анализ универсальных форм и методов познания (2009-2011); Логика теории современной демократии и проблемы ее реализации (2012-2014); Логика научной идеи и ее реализация (2015-2017).

В идеале я считал, что нужно следовать Канту, поэтому в молодости я писал в основном по логике, диалектике, теории познания, истории философии, и для меня это была аналогия кантовской «Критики чистого разума». Помимо этого, меня всегда интересовала проблема нравственности, к которой я решил подойти через анализ творчества выдающихся писателей: Гомера, Эсхила, Софокла, Еврипида, Шекспира, Гёте, Грибоедова, Толстого, Достоевского, Пушкина и, конечно, Абая. Моя идея заключалась в том, чтобы посмотреть на их творчество с точки зрения проблемы нравственности. У меня вышла книга под названием «Абай – гениальный мыслитель». Я рассматриваю эту проблему, размышляя и о деятельности и творчестве Шокана Уалиханова, Чингиза Айтматова. В творчестве Айтматова я акцентирую внимание на проблеме «абстрактного и конкретного человека». Я написал книгу о философских и этических воззрениях Л.Н. Толстого. Сейчас мною завершен анализ творчества Достоевского, я размышляю над его идеей о том, что «красота спасет мир». Нравственность и проблема красоты – это два вопроса, которые трудно разделить друг от друга.

– Вы идете по пути Канта, то есть практически осветили все кантовские вопросы теоретического и практического разума, а есть еще третий кантовский вопрос: «На что я смею надеяться?». На сегодняшний день для нашей страны это очень актуальная тема. Об этом Вы размышляли?

– Знаете, я оптимист, я верю в людей. Меня называют идеалистом, но я считаю, что человек себя еще как следует не показал. Человек – исторически развивающееся существо, его мышление тоже непрерывно развивается. Все развитие человека – это развитие одновременно разума, нравственности и чувства красоты. Эти три вещи есть те основные мосты, при помощи которых человечество не только выживает, но и открывает новые горизонты...

– Спасибо большое за интервью! Просто удивительно, как Вы успеваете писать столько книг!

– Я просто не могу не писать, я этим заболел с юности... Иной жизни я не мыслю...

Редакторы:
Медеуова Кулшат (МӘДЕНИЕТТАНУ)
Абдина Айнур (ФИЛОСОФИЯ)
Калиев Каскырбек (ДІНТАНУ)

Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies
2025, №4 (153)

Шартты б.т. – 15,5. Таралымы – сұраныс бойынша Басуға қол қойылды: 31.12.2025
Ашық қолданыстағы электронды нұсқа: <https://jete.enu.kz/index.php/bastybet>

Мазмұнына типография жауап бермейді
Редакция мекен-жайы: 010008, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Сәтбаев көшесі, 2.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Тел.: +7 (705)5829353

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің типографиясында басылды